

A woman with her hair in a bun, wearing a black dress, is sitting on a white wooden chair. She is looking towards the camera. The background is a light, textured wall. The title 'ОЩУЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ' is printed in large, bold, black letters across the upper right portion of the image. The author's name 'Георгий Стенкин' is printed in smaller, bold, black letters below the title. There is a faint, larger version of the title and author's name in the background.

ОЩУЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

Георгий Стенкин

Георгий Стенкин

Георгий Стенкин

**Ощущение женщины.
Метаморфоза-1**

«Издательские решения»

Стенкин Г.

Ощущение женщины. Метаморфоза-1 / Г. Стенкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857812-0

Всё меняется в этом мире под Луной. И мужчины и женщины. Что-то мы теряем, а что-то приобретаем. Но если теряем больше, чем приобретаем? То как с этим жить?

ISBN 978-5-44-857812-0

© Стенкин Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Туфелька	6
Глава 2. Ножка	11
Глава 3. Дед	16
Глава 4. Ножка... и ещё выше	17
Глава 5. Эстроген	20
Глава 6. Локон	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ощущение женщины Метаморфоза-1

Георгий Стенкин

Иллюстратор Studio DVD

© Георгий Стенкин, 2017

© Studio DVD, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-7812-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

© 2017 Georg Haller

- Извините...*
- Вы позволите мне пройти?*
- Благодарю*
- Я прошёл, но уйти – не могу.*

Глава 1. Туфелька

Ресторан был весь в клубах сигаретного дыма, в децибелах ансамбля и в диапазонах певицы. В бесчисленных ногах, руках, головах и разговорах. В движениях танцующих пар и групп, в открытых спинах, в открытых ножках, в открытых улыбках...

Были тут и коварные взгляды, томные жесты, призывные наклоны головы и изящные, манящие облизывания губ. Читались насмешки во взглядах, интерес и пренебрежение с высокомерием. Страсть, желание и одиночество с тоской.

Причёски, украшения и оголённости...

Позёрство и шарм. Эпатаж и манерность. Грация и физкультура. Опьянение и мутный взор. Экстаз и «экстази».

Всё было тут. Или...

Лодочка или босоножка? Или – это такие открытые туфли? Какие-то полоски, остроносость и довольно высокий каблук. Не разберу цвет, в этой мешанине прожекторов, ламп и световых эффектов.

– Ну уйди ты, мужик.

А где белая ножка в этой туфельке? Что-то темное. Чулки? Пусть будут чулки. Я так хочу – чтобы были чулки.

Оп.

Задник туфельки соскочил с пяточки.

Ух...

Осталась балансировать. Не соскочила. Качнулась – раз. Качнулась – в обратную сторону. И повисла. Умничка – туфелька.

Открыла мне всю ступню и пяточку. И в отражении вращающихся ламп, или – в прямо-направленном прожекторе? Или – это просто сияние...

Изящество изгиба, изогнутость подъёма и оголённость...

Она же в чулках! Эта ножка была в чулке! Я видел это! Верните чулки!

Да. Она и сейчас – в чулке. Только коварная туфелька – обнажила сверкание и блеск с того, что не скроешь никакими чулками.

И что же дальше?

Да подождите вы. Такое зрелище!

Оскал тигрицы, разинутая пасть львицы. Туфелька и ступня. Ступня и туфелька. Почему я не слышу громогласного рыка?

Пойду, и как дрессировщик – вложу свою голову между челюстями хищника...

Что-то как-то и музыка стала приглушённой и сигаретный дым куда-то «вытянулся», и мельтешение отдыхающе-развлекающейся публики поубавилось. Или это мне кажется...

Гипноз? Наживка?

Брр...

Где-то был мой коньяк?

– Любезный!

– Повторить. Да. Пожалуйста.

Что? Где?

Не вижу. Где это чудо?

Вроде бы не замечал у себя в глазах никакого лазерного прицела. А тут – метров пятнадцать, наверное...

Говорят, что хорошая оптика нужна только для охоты на дорожную «дичь», чтобы шкуру не попортить. Бить – прямо в глаз.

То есть – прямо в пяточку.

Вот. Есть. Сфокусировал. Пяточка – на месте. И – ступня, и туфелька – всё также беспечно болтается на самом кончике...

Уже иду... Лечу...

Нет. Нельзя быть таким лохом. Стоило только тигрице открыть свою пасть, как я уже готов вложить туда свою голову.

Брейк.

Тайм-аут.

Что у нас – дальше?

Можно в принципе – провести указательным пальцем, вот по этой вогнутости на ступне. Нет – не нужно. Бедная туфелька может сорваться и упасть на этот жуткий тысячеследовый пол.

Тогда...

Прямо рядом с пяточкой – есть выпуклость. По-моему – это называется щиколотка. Или я ошибаюсь? Не важно. Такая маленькая выпуклость...

Как всё же удивительно устроена женская ножка? Тут тебе и ложбинка, и подъем, и пяточка и выпуклость, и вогнутость.

И ещё эта туфелька...

Наверное, женщинам, где-то там наверху...

Выдают дополнительные части к их телам. Чулки, туфельки, украшения, юбочки...

Ну как можно отделить эту туфельку от этой ножки?

Немыслимо.

Невозможно.

Если только мне не придётся снимать её самому. Тогда мы вступим с ней в противоборство. Она – будет стараться до последней возможности прикрывать собой, спрятанное тело, а я – наоборот, буду стараться открыть миру новое чудо...

Прогресс – обязательно победит.

Обязательно.

Итак...

Щиколотка. Хм. Тут опять начинается какой-то мифический изгиб.

Мифический?

Поскольку – в моё разбуженное воображение... Резко «въехала» древнегреческая амфора. У неё – почти такая же грация, в этом же самом месте.

Так.

Я сижу в ресторане.

И смотрю на женскую ножку. Какие к чёрту тут могут быть мифы и амфоры?

...

Э-э-эй?

Куда?

Что это такое?

Туфелька посажена обратно на своё место и ножка – просто пропадает, где-то в складках материи или в темноте барной стойки. Не могу разглядеть.

Ну что там?

Дождался. Дофантазировался. Указательным пальцем – по вогнутости...

Лопух.

Ладно. Включаем центр обработки информации. Что я видел? Нужно же понять – что это было. И что – всё это значит.

Безвыходных ситуаций – не бывает, бывают глупцы не умеющие найти выход. Так не будем же глупцами, а будем искать выход.

Какой выход? Куда – выход?

Просто так – туфельки не бросаются в глаза одиноким мужчинам в самом расцвете сил.

Будем разбираться.

Поехали.

Разумеется, что у туфельки – есть её обладательница, которой конечно же, принадлежит и эта ножка, созерцание которой было так нагло прервано. Туфелька висела в полуснятом положении, минут 15—17. Никак не меньше. Это может говорить о том, что хозяйка – ощущает себя в этой смрадящей запахами и вкусами, грохочущей нотами и звуками атмосфере, вполне комфортно, без суеты и нервозности.

Стало быть – женщина знает себе цену. Несомненно.

Ножка не покачивалась в такт музыке, значит её владелица – или ведёт увлекательную беседу со своим спутником (спутниками), или погружена в собственные мысли.

То, что там нет спутниц – это бесспорный факт. В женской компании – она бы не смогла и двух минут просидеть с неподвижной ножкой.

Теперь – её предполагаемый спутник...

Если это близкий человек, то почему он не заметил почти упавшую туфельку? Слишком близко сидел, чтобы не перекрикивать громкость музыки и зала? Возможно. Но, мужчина не может 15 минут сидеть рядом с эффектной женщиной и не окидывать взглядом её всю – с ног до головы. Он бы – увидел.

А с чего я взял, что она – вообще, эффектна. Может...

Нет. Чулки, изящная (не модная, а именно изящная) туфелька. Неподвижность висящей на самых кончиках пальчиков...

Значит...

Значит – или нет спутника, или он был – но удалился. Удалился в туалет? И теперь вернулся, и от этого и туфелька встала на своё место и ножка пропала с моих глаз?

Может быть. Очень может быть.

Только...

А что если?

Нет.

Возможно?

Тоже нет.

А как же?

Ну конечно.

Стала бы она выставлять свою прелестную ножку в изумительной туфельке на всеобщее обозрение, пока её близкий спутник – находится в отлучке?

Это может быть только по двум причинам. Она совсем не удовлетворена своим партнёром по времяпровождению в этом ресторане. Или – она тут всё же одна, но находится «в поиске», «в ожидании». И именно сейчас – кто-то «клюнул», пока я тут устраивал экзерсисы для туфельки.

А чулки?

Или я себе их выдумал?

Ну... Судя по возрасту...

А я бы определил возраст этой прелестницы в 32—33, скажем так – до 35 лет.

Почему?

Как это я по туфельке и по ступне, сумел определить возраст их владелицы?

Обыкновенная самоуверенность? Или что?

Да очень просто.

Рассказываю.

Женщина, которая в шумном ресторане, сидит у стойки бара и 15 минут не совершает никаких движений ногой и не обращает внимания на почти упавшую с ноги туфельку...

Это – не юношеская энергетика и задор, и не атрибуты наступившей второй молодости, я имею в виду возраст в 40—45 лет. В обоих этих случаях – было бы движение и туфелька – была бы водворена на место, уже минут через пять. Ну – семь...

Поэтому – мы не дёргаемся по пустякам, нам не столь существенно иметь застёгнутыми (или расстёгнутыми) все пуговицы, все застёжки, все туфельки...

Комфорт и изящество, шарм и уверенность в своей врождённой женственности. Естественной эффектности.

Плюс – уже упомянутые чулки и...

И снова – чулки.

Не берём в расчёт внешний вид ножки. Ну там...

Пластические операции, лифтинг. Невзирая на искусственные вмешательства, так как не чувствуется фальши...

Ощущается искренность и естественность.

И – посему:

Если она – на самом деле, находится тут без своего спутника по посещению этого ресторана, то ей не больше 35 лет.

Факт.

Торжество дедукции.

Ок.

Пора выдвигаться на боевые позиции.

Пардон. А как я её узнаю?

Заглядывать всем дамам под юбки? Здороваться с их туфельками?

Блин.
Во влип.
Тоже мне...
Принц из «Золушки».

Ну...
Где наша не пропадала!

...

– Извините...
– Вы позволите мне пройти?
– Благодарю.

– Я прошёл, но уйти – не могу...

– Я должен познакомиться с вашей туфелькой.
– Потому что я ищу свою Золушку.

– Нет. Я не принц. И у меня нет второй туфельки. Но свою – я узнаю точно. Наверняка.

Глава 2. Ножка

Она смотрела на меня. Нет – не ножка, а – ОНА.
Это – не было смотрением, это не было – взглядом. Это было...

Сначала меня разорвали на сотни мелких кусочков и одновременно...

Впитали...

Втянули...

Всосали...

Два огромных и одинаковых по форме – блюдца. Нет – не блюдца. Ванны? Нет – не ванны.
Озера? Океана?

Две поверхности воды, расположенных – одна рядом с другой. Как два стоящих рядом бассейна. С высоты птичьего полёта. Или выше?

Стремительно.

Я как-то резко погрузился, всеми своими сотнями кусков и... Вроде бы целый?...

На самое дно этих резервуаров. Причём – мгновенно достигая невероятной глубины, куда уже не проникал солнечный свет и в мерцании бликов ощущался холод глубины. Померк свет и меня начала сковывать страшная мерзлота...

Но вот – меня снова выбросило на поверхность. Я – один и целый? Или – я целый, но состоящий из сотен кусочков?

Почему-то я очутился в левом бассейне и меня что-то протащило от одного края – до другого. И – обратно...

Перетащило – в правый бассейн...

И тут – уже выполоскало, туда-сюда – как бельё перед тем как его начать выжимать.

Не нужно меня выжимать!

У-у-х!

Летя обратно к своему месту в ресторане, где я и продолжал стоять, успел заметить, что лечу я – из этих самых бассейнов. Уменьшаясь в своих размерах, они становились огромными глазами женщины.

Женщины, с которой я только минуту назад заговорил. О её туфельке...

Что же это такое?

Что за наваждение?

Она – молчала. И так как я уже побывал в её глазах, то она не рассматривала меня, а смотрела на то место, где я стоял, в ожидании что я всё-таки сделаю что-то такое, что заставит её увидеть ещё и меня – на этом самом месте.

Она уже всё про меня знала. И что у меня есть шрам под правой лопаткой, и что в левом кармане моих брюк лежит карточка-ключ от гостиничного номера с числом 1244. И что в этот ресторан я забрёл совершенно случайно...

И тут освободилось место за баром, рядом с ней.

– Вы позволите?

Обратился я к ней.

И попытался изобразить всем своим телом – стремление сесть на это место за стойкой бара.

– Нэээет.

Прозвучало.

Это – невозможно. Это слово – звучит иначе, но от неё – оно звучать не может. Она не разрешает мне сесть рядом с ней? Или – она не понимает моего вопроса? Что – нет?

Иностранка?

Инопланетянка?

Иногалактичка?

Так. Так. Спокойно.

Дело в том, что и в первый раз, когда я обратился к ней с вопросом, вроде бы спрашивая разрешения протиснуться мимо неё, среди водоворота тел, но на самом деле – такой необходимости не было. Это была уловка. Я бы спокойно мог пройти и не задев её. Но чтобы не оставить и шанса потревожить её, и вызвать «огонь» её внимания, я обратился к ней с этим глупым вопросом.

Она – и не отодвинулась, и не кивнула мне, и не произнесла – ни слова. Может она действительно – не понимает элементарного французского языка? И сейчас – не может сообразить, что же я всё-таки от неё хочу?

Да...

Задача.

Ну что же...

Начнём танцевать.

И я начал что-то лепетать и всеми мне доступными жестами и телодвижениями указывать, что я хочу присесть тут – с ней рядом. Воздевал руки к небу и прижимал их к сердцу, обнимал этот дурацкий стул и совершал вообще нелепые движения.

И...

О чудо!

Она протянула руку – с разрешающим жестом и сказала:

– Дэа.

Я был счастлив...

Гремела музыка, за эти несколько минут, пока я изображал ритуальные или брачные танцы павианов, меня толкнули и в спину и в бок, и прошлись по моей левой ноге. Что-то настойчиво спрашивал бармен, один – потом другой. Я ничего не понимал и не внимал происходящее, как что-то реальное.

Она разрешила мне сесть возле неё! Она меня поняла!

...

Она была одна. И я только сейчас смог обратить внимание и на её внешность, и на то что она в левой руке держала какой-то фужер с торчащей из него трубочкой.

И что – чёрная юбка. И что – серебристо матовая блузка. И что – моя туфелька!!!

Это была она!

Она – та сама туфелька, на той самой ножке...

Которая так коварно меня покинула. И вот я опять – рядом с ней.

Что-то нужно сделать? Как-то нужно закрепить успех. Наметить вектор движения.

Но что это?

Она немного наклоняется вперёд, опускает руку почти к самому полу...

Я не вижу, там темно – блики прожекторов не достают своими очередями до этой темноты – у неё под ногами. У нас – под ногами.

Как!

Я – умер!

Я – в раю!

Это – взрыв сверхновой!

Мне нужна пауза. Дайте мне минутку отдышаться...

...

Она совсем сбросила ту самую туфельку, которая завораживающе покачивалась на её пальчиках, буквально несколько минут назад, и созерцанием которой было поглощено всё моё внимание.

И...

Вы даже представить себе не можете, что произошло дальше.

Чудо.

И положила мне на колено, выудив из темноты и выпрямив в моём направлении – свою ножку...

В том самом, невесомом чулке...

Меня пробил разряд тока, силой – наверное...

Сумасшедшей силы.

Как бы вам это описать покрасочнее?

Представьте себе, что вы сидите у костра, где-нибудь на краю поля, у самого начала нависшего над вами леса. Ночь...

Полное небо звёзд, как наброшенное на целый мир – покрывало с переплетением рисунков. Козерог, Медведица, Стрелец... И – кто там ещё? Вы заморожено глядите на плазменное буйство огня, с миллионом языков – от тёмно красного до ослепительно солнечного, вылизывающих друг друга, мечущихся в одном им – ведомом танце...

И вдруг, оттуда из адского нутра головешек, поленьев и углей – вылетает комета и стремительно совершает посадку на вашем колене. Шипя, сжигая ткань джинсов и мгновенно добираясь до вашего тела.

Вы дико вскрикиваете и начинаете в безумстве папуасно прыгать вокруг костра, стараясь стряхнуть с себя эту боль и этот шок.

Вам не случилось – пробираясь в джунглях, под свисающими лианами и разлапистыми листьями дивных деревьев, внезапно ощутить на своём плече – странную тяжесть и прохладу. Повернув голову – увидеть что это что-то с толщину вашей руки, шевелится и пытается обрести равновесие на вашем плече. Змея. Огромная. Вернее – только её хвост.

Нет?

Тогда поверьте мне.

Что-то среднее, между жалящим угольком от костра в вашей голени и смертельной тяжестью падения анаконды на ваше плечо, что-то между этими двумя сумасшествиями – я и испытывал сейчас.

Хотя...

На моём колене – лежала изумительной красоты, невесомого очарования и излучающая само совершенство – женская ножка.

Я не мог оторвать взгляда от проникающей сквозь темноту чулка – белизны ступни, выпуклости щиколотки, и изгиба... Изгибов...

Зашуршала ткань...

Казалось, что мой слух и моё зрение приобрели способность фокусироваться именно тут – в этом самом месте, полностью игнорируя все посторонние ресторанные звуки и возню окружающих нас тел.

Самый лучший друг мужчин.

Как вы думаете – кто это?

Ни за что не догадаетесь.

Самый надёжный и никогда не предающий друг мужчин – это разрез на юбках и платьях.

Есть и ещё у нас друзья. Декольте, кружева и прозрачные ткани. И конечно – модельеры и дизайнеры. Но это – всё уже потом. Самый главный наш друг – это «его величество разрез на юбке».

И в этот раз – он тоже не предал меня. Открыв, обнажив, раззанавесив...

И указав мне путь. Направление. Вектор.

На моём колене – лежало начало дороги, и теперь мне был виден путь – до самого горизонта.

Но я не мог сидеть в оцепенении, я не в художественной галерее. Рядом со мной – живая женщина.

И мне пришлось поднять свой взгляд...

Она улыбалась. Она играла со мной. Она испытывала меня. Она проверяла меня.

Она предлагала мне пройти по неведомому пути. И смотрела с вопросом и с интересом...

Что же я предприму? Насколько я в состоянии совершать поступки? Мужчина – ли я?

...

Когда ты несёшься по трассе со скоростью 280 километров в час и боковым зрением начинаешь улавливать, что твой соперник тебя настигает. И тебе нужно решиться или на безрассудство или на поражение...

Тогда – как видеоряд, проскальзывают где-то вокруг тебя – твои поступки. Твои свершения. Как бы давая тебе возможность оценить – этот, очередной поступок – будет ли он достоин встать в один ряд с уже совершёнными. Или нет?

Оценивай.

Но решать – всё равно тебе...

Не нужно никому ничего доказывать. Это – бессмысленно. Как если бы ты начал спорить со своим отражением в зеркале.

Совершаешь ли ты поступок? Или – доверяешься течению жизни. Ощущаешь ли ты себя – мужчиной? Или – ты просто клерк, бизнесмен, рабочий или врач? Винтик, болтик, шуруп – в толстой доске жизни, в механизме мира, в сочленении мира и твоей жизни...

...

Глядя ей в глаза, я опускаю свою руку – прямо на подъём её ступни. Так, что моя ладонь ложится, почти полностью закрывая, и пальчики и выгнутость подъёма, ощущая нежность чулка и бьющийся пульс на случайно попавшейся жилке, а мой большой палец – проскальзывает под ступню, почти к самой пяточке...

Она вздрагивает. И взгляд – из изучающего превращается в удивляющийся и одобряющий.

Я начинаю свой Путь.

Дивная ножка
женщины-кошки,
пятка нежнее цветка,
дай подержаться
за ножку немножко,
кожа белей молока,
черный чулок,
и ступня балерины,
страсть, а непросто подъем,
нет притягательней
этой картины,
ножка!!!!!!!!!!
на колене моем...
Светлана Эр.

Глава 3. Дед

Дед пришёл. Нужно сделать паузу.

Конечно, дед мне ничего не скажет, но нужно хотя бы его поприветствовать...

– Дед, а дед...

– А что? Мамини тоже умели создавать мыслеформы?

– Какие мыслеформы? Какие мамини? Ты что тут включил? Болван.

Ну вот. Дед – не в духе. Что там у него опять приключилось? Дожил до пятого генера – и всё никак не успокоится. Болваном – назвал.

– Дед. А что такое – болван?

Дед остановился посреди комнаты и посмотрел на меня, как будто только сейчас заметил, что ещё и я тоже – нахожусь в этой комнате. И опять – набросился на меня.

– Болван?

– Болван – это ты. Тебе сколько лет уже – внучек? А...

– Ты же не понимаешь....

Он даже взмахнул рукой – от разочарования.

– Первая четверть генера – тебе когда стукнет? Ну...

– В этом сидере – или в следующем? Эти ваши идиотские системы летоисчисления...

– Как было раньше – здорово. Год – десятилетие, столетие – век. Ласкает слух.

– А теперь — что? Сидер и генер. Тьфу.

– Что ты тут смотришь? Больше заняться нечем?

– Кто тебе разрешил брать биопамять моего отца?

Ну давай, давай дед. Успокаивайся. Пойду – принесу ему стритколу. Ему нравится.

– Вот, дед. Попей. Успокойся.

– Во-первых – я не смотрю. Биопамять – нельзя смотреть, её можно только – внимать.

– А во-вторых – болваном то легко обзывать, а я – между прочим, делаю домашнее задание. Да. И – первая четверть генера у меня была уже два сидера назад. Я уже имею доступ к исторической биопамяти. Иначе – дневник твоего отца, просто бы не отозвался на мой контакт.

– А в-третьих – биопамять не включается, а начинает трансляцию.

Вот это он любит. Разумно и логично. Всё – по полочкам разложено.

Дед смотрел на меня и видимо – собирался с мыслями. Глотнул еще стритки и...

– Давай – отмотай немного назад и запусти. Посмотрим вместе, что ты там за домашнее задание готовишь.

Отлично. Пронесло.

Отмотай назад – это значит продвинуться в обратном направлении. Запускай – значит пустить нормальное течение времени. Хорошо – хорошо.

Глава 4. Ножка... и ещё выше

...

Глядя ей в глаза, я опускаю свою руку – прямо на подъём её ступни. Так, что моя ладонь ложится, почти полностью закрывая, и пальчики и выгнутость подъёма, ощущая нежность чулка и бьющийся пульс на случайно попавшейся жилке, а мой большой палец – проскальзывает под ступню, почти к самой пяточке...

Она вздрагивает. И взгляд – из изучающего превращается в удивляющийся и одобряющий.

Я начинаю свой Путь.

Дивная ножка
женщины-кошки,
пятка нежнее цветка,
дай подержаться
за ножку немножко,
кожа белей молока,
черный чулок,
и ступня балерины,
страсть, а непросто подъем,
нет притягательней
этой картины,
ножка!!!!!!!
на колене моем...
Светлана Эр.

Это стихотворение, как мне кажется – очень подходит именно к этой записи в моём дневнике. Помню – рассказал Светлане об этом своём приключении и она написала это стихотворение. Удивительно точно и поэтично.

Но...

Мне нужно вернуться в ресторан. Там меня ждут. Я ещё не закончил с ножкой...

...

Она вздрогнула. И ножка – инстинктивно согнулась в коленке. Совсем чуть-чуть...
А-а-а...

Где-то там, в конце моего пути – вдруг блеснула ослепительная белая вспышка. Словно – вырвался неимоверной световой силы, из темницы – кто-то или что-то, но с бешеным стремлением к свету и ко мне...

Это – мой друг «разрез на юбке» открыл тоненькую полоску яркой и белой...

Ничем не прикрытой, невинной и чистой в своей белизне и яркости...

Чулки. Я был прав.

Там где заканчивались чулки – открывался мир без штор и паранджи, без пуританских километров ткани и без ложной стыдливости прекрасного белого лебедя. Белое царство красоты...

Белое...

Говорят, что белый – это холодный цвет, цвет снега и льда. Мороза и оцепенения. Но в этот миг – белый цвет стал для меня прожектором чистоты и наготы. Открывающейся тайной и воспаляющимся огнём. Бушевала стихия чёрно-белого колдовства, женского естества и мужского, чего-то животного...

Белая полоска женского тела...

Аккуратно и максимально нежно – я развернул свою ладонь, так – чтобы нижняя часть её ступни оказалась прямо у меня на ладони. Но – не нарушая контакта, мягким поглаживанием и прикосновением...

И – она была вынуждена ещё немного приподнять свою коленку. Лёгкий толчок пробежал от самых кончиков её пальцев – туда, в высь – к белому...

Я снова – решил взглянуть в её глаза. Не ломаю ли я – так тщательно выстроенную увертюру в нашей пьесе? Не берут ли верх инстинкты и упоение от мгновения откровений? От нежности прикосновений. Продолжается ли игра? Или уже тело отдано во власть чувств и гормонов? Женственность – или расчёт? Искренность – или сюжет?

Нет. Её глаза – отвечали мне с благодарностью...

Ты – сама нежность. Я – жду...

Левая рука – уцепилась за стойку бара, а правая – всё ещё держала фужер с торчащей из него трубочкой. Только...

Трубочка – застыла в своём движении. Сжатая в губах, зубах...

Выскочив из фужера – разбрызгивая капли жидкости на одежду, на руки и на...

На чулок...

Если бы мы не были посредине ресторана, сидя на крошечных банкетках у стойки бара. Если бы не было – круговорота цветовой и световой феерии. Мельтешения тел, звуков и всего какого-то вообще невозможного.

Могло бы показаться, что у женщины – соскочила туфелька с ножки и любезный мужчина галантно пытается водрузить случайную утрату – на своё законное место.

Только...

Всё это происходит – с замедлением в сотню раз.

Вокруг – сплошная сутолока, а эти двое – замерли в своём неспешном диалоге. Не происходит смены позиций. Она – смотрит на него, он – держит правой рукой её ножку. Немного склонившись. Её правая рука с фужером – остановилась в слегка неестественном положении.

Никто не чувствует нарастающего напряжения, экспоненциально растущих зарядов энергии. Энергетического противостояния и насыщения до искрения атмосферы – вокруг нас двоих.

Будто – кокон или энергетическое поле невероятной силы сталкивало нас друг к другу. Сжимаясь с каждым нашим вздохом, спрессовывая и так, до критической массы «накачанное» и разогретое – ядро. Ядерный взрыв – не минуем. Зашкаливают – все приборы.

Пожарной команде и отряду спасателей – выступить на стартовые позиции. Будут тысячи жертв и огромный участок поражения. Разрушения и глобальный катаклизм.

...

Для меня же... Время несло с сумасшедшей скоростью. Я – не успевал опомниться от одного потрясения, как – обрушивалось новое. Только что – я был ослеплён открывшейся

узкой полоской белого участка тела – там... Почти у горизонта, за магистральностью и путеводством чёрного чулка.

И теперь...

Я вижу, что она тоже начала свой Путь.

И наши Пути – должны где-то пересечься, встретиться. Нет больше сил выдерживать этот накал страстей. Перегорают – один за другим, все предохранители. Начали лопаться лампочки и взрываться фужеры.

Нужно.

Пора.

Хорошо. Сделаю следующий шаг.

Женщина – ждёт. Женщина – зовёт. Женщина – дарит мне...

Я подношу свою левую руку к её ножке и пытаюсь смахнуть те нечаянные капли жидкости, которые могли осквернить и испортить безупречность этого зрелища.

И касаюсь – внутренней стороны коленки, ложбинки – под коленкой, так – немного сбоку, и – немного пониже... Или – повыше?...

Но вот – я уже обеими руками поддерживаю эту чудесную ножку...

Рефлекторное движение... Очередной толчок всего естества. Спазм или судорога. Или – просто ответ тела на прикосновение другого тела. Что-то животное и магнетическое...

И мне приходится привстать со своего места, чтобы не выпустить из рук...

Но. Нужно.

Нельзя.

Я не понимаю.

Она роняет свой фужер. Из её уст – слышен вздох. Горячий, страстный.

Что-то кричит бармен.

Я опускаюсь на колено и встаю прямо в стеклянные осколки и в лужу. Главное – не выпустить из рук...

Она – поправляет слишком широко распахнувшийся разрез на своей юбке и смотрит на меня.

Что же делать?

Как быть?

Я чувствую рядом со своим коленом – на полу, что-то...

Это – туфелька! Моё спасение и моё – чудо. Наше – спасение.

...

Вынужденно отпускаю правой рукой свою ношу, и выуживаю из темноты приполя – на свет, чтобы показать ей наше спасение.

Она глядит на свою туфельку и кивает мне в ответ. Да – это правильное решение.

Она будет в состоянии встать на обе ноги, и идти...

Её взгляд, говорит мне – веди меня...

Теперь – твоя очередь.

Как я – вела тебя, так ты – теперь берёшь бразды правления в свои руки.

Веди меня...

Глава 5. Эстроген

- Тормози.
- Ну...
- Останови ты это...

Мы сидим вместе с дедом в моей комнате, дед – на своём любимом «табурете», а я – на своём рабочем месте. Я готовлюсь выполнить домашнее задание – поэтому я был вынужден пользоваться и регистратором своих эмоций и оформителем мыслеформ. Да и управлять этой старинной биопамятью приходилось руками.

Как мне рассказывал Гоэтано, это мой друг – мы с ним в одной группе учимся, историки специально не меняют системы управления старинных биопамятей, чтобы максимально приблизить ощущение тех эпох. Приходится махать руками в воздухе, чтобы изменить фокус или повернуть ракурс. Освещение – тоже иногда совсем негодное.

Качество и разрешение изображения такое...

Что совсем не ощущается эффект присутствия. Как будто тебя засунули в какие-то декорации. Даже как-то не по себе. Я-то понимаю, что остался в своей комнате и только полнопространственное изображение заполнило собой мои органы восприятия. Но мозг – отказывается верить. Привык – к современному качеству трансляции. Да ещё – совсем нет эмоционального фона. Что, тогда они ещё не умели дополнять в содержание свой эмоциональный фон?

Разве могут быть на самом деле – такие запахи? Это кажется называется – сигаретный дым? Где-то я внимал уже об этом. Предгенерная эпоха. Когда люди ещё использовали искусственные стимуляторы.

Жуть.

А освещение в ресторане? Никакой избирательности и фильтрации. Хорошо хоть слова, эти старинные, я почти все знаю...

«Магистральные», «ядерный взрыв».

Как только историки в этом во всём разбираются?

Но вот с тувелькой, с этой – я ничего не понимаю. Чего он так тянет? Конечно – в его видении выглядит всё довольно сексуально и красиво. Но почему-то я ничего не чувствую. И потом...

Я никак не могу понять – это маминя или сексиня там с ним?

Дед опять сейчас начнёт называть меня – тупым и безмозглым. А как мне во всём этом разобраться. Ему хорошо – он это всё помнит сам. Его отец прервал свою физиологию в середине второго генера, дед – тогда уже был взрослый. У них раньше было не модно тянуть с рождением детей до второго генера.

А мой папа – в конце своего первого генера позаботился о потомстве и...

Кстати – нужно спросить у деда, что там за история с сексиной произошла у моего отца, после которой – он тоже решил закончить физиологическую жизнь.

Что он там опять надумал?

«Тормози». Где он только такие слова берёт? Хорошо, что я уже привык и знаю почти весь его допотопный лексикон. Нет бы сказал – поставь на паузу. Так нет – тормози.

- Ну что опять, дед?
- Если ты думаешь, что я уже что-то начал понимать, то ты ошибаешься.

Что-то он как-то согнулся. Может – опять отклонения от функциональности начались?
Так уже бы примчалась мгновенка. И оказала бы ему полную физиологическую помощь.

Ну-ка, где у меня тут – его биопоказатели?

Выброс гормонов? А каких? Из группы эстрогенов?

– Дед...

– Да у тебя сексуальное возбуждение! В твоём возрасте!

– Вызвать твою сексиню? Или – запустить психокоррекцию?

– Да заткнись ты, «внучек»!

– Ты можешь помолчать хоть пять минут?!

– Дай отдышаться.

Глава 6. Локон

Она стояла прямо под решёткой воздушного вентилятора. Не совсем – в проходе, но и не у самых дверей вагона.

Вагон метро покачивался и вверх-вниз, и вбок, его кидало на поворотах. Вырывающийся воздух тоже менял свою интенсивность, из-за скачков давления в тоннеле метрополитена. Поэтому – казалось, что за решёткой вентилятора сидит какой-то волшебный джин из бутылки и сложив свои губы «в трубочку» – старается растрепать причёску. Её – причёску. То – дунет посильнее, то ослабит напор...

Я увидел какой-то блеск. Что-то блеснуло в серой массе окружавших меня попутчиков. Это мог быть «зайчик» от прожектора в тоннеле, или отблеск от стекла на часах кого-то, кто решил вдруг подвигать своей рукой «в часах».

Почему я решил повернуть голову именно в направлении на эту блестящую вспышку? Что меня толкнуло?

Но я уже не смог оторвать взгляда. И даже когда на остановке – произошло опорожнение и сновонаполнение вагона, даже эта суতোлка, толчки и «оттирания» всем телом, громкие возгласы и мешанина серых оттенков одежды на людях – всё это не смогло оторвать моего взгляда...

Наоборот – я оказался на пару метров ближе...

Он светился и подмигивал мне, покачиваясь в такт движениям вагона.

Опять остановка. Снова – погрузка-выгрузка. И я ещё ближе к ней...

Меня просто тянет что-то в направлении к ней и к нему.

К этому светлому и нежному, словно трепещущему на ветру листку клёна, или белому цветку сакуры.

К завиткам и пружинной вытянутости – слегка рыжеватому и белому локону.

Белокурый локон.

Так, кажется говорят поэты...

Я могу сделать ещё один шаг, в освободившееся пространство – и оказаться совсем рядом с ней. Вперёд – мой Росинант. Нас ждут свершения и слава...

Дело в том, что я был в тёмных очках. Вчерашнее празднование дня рождения Петровича закончилось в полном соответствии с русскими традициями – пьяным мордобоем. Нет – я ничего не имею против. Расстались мы по-дружески, но заплывший глаз я всё же решил пока скрывать от посторонних взглядов. Иностранец с заплывшим глазом – может вызвать лишнее внимание. Мне это совершенно ни к чему.

В России я бываю редко, но если уж приезжаю, то с друзьями мы «отрываемся на полную катушку». Так это кажется тут говорится.

А локон – манил...

Нас разделало каких-то 2—3 дециметра. Я уже ощущал запах её духов.

Что это было? Не знаю точно, но ясно чувствовался аромат жасмина и ещё чего-то...

Я не мог разглядеть чётко её лицо, ясно виделся только контур. Это – носик, а это – губы, и линия подбородка плавно переходящая в линию шеи...

Стоя немного позади неё и ухватившись рукой за ту же перекладину, за которую держалась она, я видел ещё какой-то блеск на её руке. Толи кольца – толи кольцо. Не важно.

Она, видимо почувствовав моё пристальное внимание или взгляд – повернулась ко мне, изучающе окинула меня взглядом и сказала:

– Вам не темно там, в этих очках?

Я конечно понял вопрос, как бы не был плох мой русский язык, но вот – интонацию, почему-то не уловил. Был это – упреждающий вопрос, чтобы предотвратить возможные попытки пойти на контакт, или – её действительно заинтересовала странность пассажира в полутёмном вагоне метро – в солнцезащитных очках. Не понятно.

И только сейчас я увидел, что у неё в другой руке – книга, которую она всё это время читала. Вот – почему она не двигалась со своего места и не вертела головой по сторонам.

Но что же ответить? Как себя вести?

Не дождавшись ответа – она отвернулась обратно к своей книжке. Отцепив на мгновение руку от поручня над головой – легко, поправляя, сделала жест по заталкиванию выбившегося локона из причёски – обратно в причёску. Или – под шапочку? Я не мог разглядеть.

Но ничего у неё не вышло. Локон – упрямо вернулся на своё место, дразня моё внимание и играя со мной – в только ему известную игру.

– Мой глаз – разбит. Мне стыдно. Я спрятал его.

Единственное – что я смог ответить. Так как разговор следовало продолжать. Мне был подан чёткий сигнал – женщина подчеркнула своим поправлением причёски, что она женщина. И это была реакция на моё появление. Следовательно – книжка интересует её уже гораздо меньше, чем чьё-то внимание.

На абордаж!

Она, конечно услышала мой ужасный акцент. Моё протягивание р-р. И если даже она не разбирается в оттенках звучания французского языка при произношении русских слов, то мой ответ – в любом случае должен побудить её к продолжению диалога.

– Француз с разбитым глазом! Что – ревнивый муж, решил вам испортить зрение, чтобы вы больше никогда не увидели его жену?

Захлопывая книжку и поворачиваясь ко мне всем корпусом, явно – с широкой улыбкой на лице, произнесла она.

Я не мог не ответить.

– А что вы читаете?

Протянув руку и поворачивая её ладонь с книгой к себе – решил не отвечать шуткой на шутку а попытаться ещё более сократить дистанцию между нами.

Жасмин – конечно жасмин был в духах. Но вот...

Какой-то чрезвычайно нежный аромат, ещё примешивался к запаху жасмина. Что же это?

Помада?

Нет – этот вкус розы я уловил сразу. Так может пахнуть только помада, причём – свежая, видимо нанесённая на губы прямо перед вступлением в метро.

Кто ты?

Студентка, читающая учебник?

Молодая жена – коротающая минуты между домом и магазином за чтением женского романчика?

Обе – могли подмазать губки перед вступлением в «общество» попутчиков из метрополитена. Но почему – жасмин?

Она позволила притянуть свою руку с книгой почти что к моим очкам, но я всё равно ничего не увидел.

Помотав отрицательно головой я сказал:

– Вы можете прочитать мне этот автор?

– Хм.

Услышал я озвучение, скрытой от моего взгляда улыбки.

– Француза де Саган.

Прочитал она, словно для экзаменатора.

Ага! Попалась, колдунья.

Ты не студентка и не мчащаяся по семейным заботам супруга. Ты – читаешь французскую женскую прозу и заговариваешь с французом в тёмных очках и спрятанным разбитым глазом...

Я понял, что это за оттенок запаха примешивается к жасмину и розе.

Это – флёр де оранж, шампунь или молочко для тела.

Да. Мы – почитательницы всего французского...

Я не удивлюсь, если у неё на голове не шапочка а гаврош.

И если кто-то скажет, что судьбы – не существует, то я могу спросить – каким чудом мы тут встретились?

– Я выхожу.

Вдруг услышал я. Куда – выхожу? Зачем – выхожу?

А...

Это – её остановка.

Судьба – злодейка, пытается её вырвать у меня. Не выйдет. Нет – она то выйдет. Но не получится – нас так просто разлучить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.